

Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой: К немецкой речи

© 2021, Р.Д. Тименчик

Еврейский университет, Иерусалим, Израиль

Аннотация: Статьи из авторского цикла «Из Именного указателя к “Записным книжкам” Ахматовой» демонстрируют опыт экстенсивного комментария к ахматовским рабочим записям, организованного вокруг имен персонажей, занесенных на страницы ее блокнотов, своеобразной вольной ахматовской энциклопедии, где в ономастике совмещены разные времена ее долгой жизни. Данная (по счету пятьдесят первая в цикле) статейная подборка организована вокруг «немецкой темы» и посвящена 80-летию выдающегося филолога Константина Азадовского и касается персонажей, так или иначе затронутых в его научных работах. Это поэты-германофоны (В. Зубов, Р.М. Рильке), переводчики ее стихов на немецкий (И. фон Гюнтер, Феликс Зелинский, Франс Лешницер, Максимилиан Шик), немецкий визитер (Генрих Бёльль).

Ключевые слова: Анна Ахматова, записные книжки, перевод, немецкий язык, Константин Азадовский, Валентин Зубов, Райнер Мария Рильке, Ганс Гюнтер, Феликс Зелинский, Франц Лешницер, Максимилиан Шик, Генрих Бёльль.

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик — кандидат филологических наук, профессор, Еврейский университет, НУJI, 901905 г. Иерусалим, Израиль. E-mail: suzirom@gmail.com

Для цитирования: Тименчик Р.Д. Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой: К немецкой речи // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 326–351. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-326-351>

Есть между нами похвала без лести

О. М.

Нынешняя выборка комментариев к именам, названным в рабочих блокнотах Ахматовой, примыкающая к полусотне разрозненных публикаций, в том числе и на страницах «Литературного факта», сосредоточена на нескольких персонажах из истории русско-немецких литературных отношений. Каждый из них в той или иной мере попадал в сферу научных интересов Константина Марковича Азадовского, и наше сегодняшнее знание о них неотделимо от того, что наблюдается и сформулировано в его работах с присущими им корректностью, элегантностью соблюдения протокола старой школы и толчками к новым исследованиям. В подборке мы встретим одного великого поэта, одного поэта-любителя, одного знаменитого визитера и несколько переводчиков русской поэзии на немецкий язык.

К своим переводам на этот язык Ахматова была особенно внимательна, с сожалением констатируя неполноту знания этого языка, особенно в сравнении с языками романскими. Наталья Горбаневская рассказывала нам, что в разговоре с ней Ахматова сетовала на то, что дважды забывала немецкий, и говорила, что это свойство языка еще Пушкин заметил, сказав Ксенофону Полевому: «Только с немецким не могу я сладить. Выучусь ему и опять все забуду: это случилось уже не раз»¹. В 1964 г. она говорила немецкому интервьюеру: «Французские, итальянские, английские переводы своих стихов она находит почти несносными. “По-немецки удастся, пожалуй, скорее почуять дыхание русского поэта”»².

Далеко не все из немецких переводов (см. по указателю в: [21]) были ей известны. Был знаком, например, перевод поэмы «У самого моря», сделанный чешским филологом Отто Баблером (см.: [12, с. 41–45]), — оттиск с выписанным переводом стихов «Он никогда не придет за мной, он никогда не вернется, Лена»:

Nie kommt es, Lena, her zu mir
und niemals kehrt es mehr zurück,

¹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л.: Academia, 1935. С. 23.

² *Бонгардт В.* Встреча с Ахматовой / перевел Н.Н. // Новое русское слово. [Нью-Йорк], 1965. 28 февраля.

— Ахматова подарила Н.Н. Пунину 21 мая 1931 г. [18, с. 321]; о другом переводе первой главки этой поэмы, выполненном Рейнгольдом фон Вальтером³, судя по рассеянным материалам к автобиографии в ее фондах, Ахматова не знала или забыла. Знала она переводы Вольфганга Грегера, приведенные в рецензии Саши Черного на «Подорожник» в немецкой части журнала «Жар-птица» (1921, № 1)⁴ и получившие одобрение в печати⁵.

Особо необходимо отметить переводы, выполненные на родине Ахматовой, только редко обретавшие печатную форму⁶. Здесь — помимо известного Ахматовой как переводчика Василия Васильевича Гельмерсена (Wilhelm Paul Christian Nikolai von Helmersen; 1873–1937), бывшего библиотекаря дворцовой библиотеки Николая II, художника-силуэтиста, заключенного в лагере на Соловках с 1930 г., где он был вторично осужден, расстрелян в 1937 г. и захоронен на территории современного мемориального кладбища Сандармох⁷, — назовем, например, филолога Сергея Игнатьевича Бернштейна (1892–1970)⁸, в бумагах которого сохранились его переводы, которые, пользуясь случаем, хотелось бы обнародовать («Венеция», «Двадцать первое. Ночь. Понедельник», «Данте», «9 декабря 1913», «Муза»):

³ *Achmatowa A. Am Meer. Deutsch von Reinhold von Walter // Der Querschnitt. 1924. Bd. 4. S. 134–136.*

⁴ «Просыпаться на рассвете» (In der Dämmerung erwachen), «Проплывают льдины звеня» (Eisschollen schwimmen vorbei), «От любви твоей загадочной» (Deine Liebe, die umprankende), «Покинув рощи родины священной» (Der heiligen Heimat Haine waren ferne), «Мурка» (Sitzt ein Kätzchen, grauer Murr).

⁵ *Ирецкий В. Вержболово-Рейн // Литературные записки. 1922. № 1. С. 8; Severus. [Рец. на кн.:] Жар-птица. 1921. № 1 // Новый путь. (Рига). 1921. 17 декабря.*

⁶ Например, опыты школьницы Тамары Сильман (*Сильман Т., Адмони В. Мы вспоминаем. Роман. СПб.: Композитор, 1993. С. 285*), подтекстовки Д.С. Усова в нотных изданиях музыки В.Я. Шебалина («Я спросила у кукушки», «Сразу стало тихо в доме», «Я окошка не завесила», 1927) и В.В. Нечаева («Я на солнечном восходе», 1929) (*Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...» / сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой. М.: Эллис Лак, 2011. Т. 1: Стихи; Переводы; Статьи. С. 519, 524*).

⁷ В 1923 г. он читал свои переводы из Ахматовой на вечере в пользу реставрации Медного всадника (Последние новости. 1923. 15 октября), а в 1927 г. — в Институте истории искусств (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 36) и на вечере Ахматовой в Союзе писателей [11, с. 245]; тетрадь с его переводами 50 стихотворений Ахматовой была подарена ею П.Н. Лукницкому [11, с. 324].

⁸ См. о нем: *Богатырева С. Серебряный век в нашем доме. М.: АСТ, 2019. С. 98–169.*

VENEDIG

Goldener Taubenschlag nah am Wasser,
Das so zärtlich ist und warm und grün.
Es verwischt ein Wind, ein salzig nasser
Der Gondeln Spuren, die vorüberziehn.

Die Leute freundlich, wo den Quai ich suche.
In den Buden Spielzeug schön und bunt.
Der Löwe auf der Säule mit dem Buche
Und auf Kissen auch auf blauem Grund.

Wie auf ausgebleichner Leinwand, strenge
Strahlt der Himmel kühl und bleich und blau.
Doch es ist nicht eng in dieser Enge,
Und die Hitze ist nicht schwül, nur lau.

***

Der Einundzwanzigste. Montag und Nacht.
Nebel die schlummernde Hauptstadt trübt.
Irgend ein Taugenichts hat es erdacht,
Dass es auf Erden hier Liebe gibt.

Teils dann aus Faulheit, weil Langweile riet,
Glaubten ihm alle mit leichtem Gemüt,
Wünschten Begegnung, da Abschied schon zieht,
Singen laut alle das Liebeslied.

Manchen jedoch das Geheimnis ward klar.
Doch die Erkenntnis bleibt ohne Dank.
Zufällig kam ich darauf, wie es war,
Aber seit jenem fühl ich mich krank.

DANTE

...mio bel San Giovanni
Inferno

Auch nach seinem Tod kehrt er nicht wieder
Nach Florenz, von wo er einsam flieht.
Und beim Weggehn schaute er nicht nieder
Hin zur Stadt. Ihm singe ich mein Lied.

Wild das Schicksal brüllt jenseits der Schwelle,
 Fackeln, Nacht, ein letzter Abschiedskuss.
 Seinen Fluch schickt er ihr aus der Hölle,
 Der im Himmel sich' noch sehnen muss.

Doch er ging nicht durch geliebte Gassen,
 Weder barfuß, noch ein Büßerhemd,
 Seiner Stadt Florenz, die er soll hassen:
 Treu- und schamlos, und doch nicht kann lassen...

9 DEZEMBER 1913

Die Tage, die so dunkel und hart,
 Müssen nun lichtig werden.
 Ich find zum Vergleich nichts auf Erden,
 Wie deine Lippen, so zart.

Nur wage nicht, mich anzuschauen,
 Verschone du mein Leben,
 Deine Augen wie Veilchen blauen,
 Doch mir den Tod sie geben.

Es braucht kein Wort in diesen Fällen
 Unbeschwert sind Zweige im Schnee...
 Vogelfänger die Netze stellen
 Dort am Flusse ich seh.

DIE MUSE

Wenn ich sie nächstens zu Besuch erwarte,
 Mein Leben, scheint mir, hängt an einem Haar.
 Was sind mir Ehren dann, das Jugendzarte
 Vor diesem Gast mit seiner Flöte klar.

Sie kommt, nimmt ab den Schleier, der sie zierte,
 Und aufmerksam betrachten tut sie mich.
 Ich frag: "Bist du's, die Dante einst diktierte
 Der Hölle Zeilen? " Sie zur Antwort: "Ich" ⁹.

⁹ Сообщено Габриэлем Суперфином. Мелкие неточности исправлены по замечаниям Манфреда Шрубы — обоим им нижайшая благодарность. Г.Г. Суперфин сообщил нам также помету о словах Ахматовой в картотеке С.И. Бернштейна за 22 апреля 1920 г.: «необходимо проверять на слух — иначе может получиться Бог знает, какая какофония».

Немецкая тема в записях «рукой Ахматовой» представленными справками не исчерпывается — как принято говорить, «Fortsetzung folgt».

Бёлль (Böll) Генрих (1917–1985) — немецкий писатель, пользовавшийся у молодых русских читателей 1960-х гг. чрезвычайной популярностью, — герой Василия Аксенова говорил о себе: «Хемингуэй и Белль назубок»¹⁰.

Запись от 17 августа 1965 г.: «Днем Белль с супругой, сыновьями. Адмони и Копелевы» [8, с. 655]; в списке адресатов дарения «Бега времени» [8, с. 680] и в перечне знаменитых иностранных визитеров 1965 г. — «Это ему Ахм<атова> сказала: “Поэт это тот, у кого ничего нельзя отнять и кому ничего нельзя дать”» [8, с. 691]. По воспоминаниям Льва Копелева:

Владимир Григорьевич Адмони и Тамара Иса[а]ковна Сильман предлагают повезти его к Ахматовой в Комарово. С утра я спешу рассказать Бёллю про Ахматову. Он очень внимательно слушает, переспрашивает. Я пытаюсь объяснить особенности ее поэзии. Из этого возникает вовсе «посторонний» разговор о том, почему в современной русской поэзии преобладают рифмованные мелодические стихи, а в немецкой они почти исчезли.<...>

Анна Андреевна в нарядной шали, держится чопорнее, чем обычно,— «принимает» иноземного гостя. <...> Анна Андреевна говорит по-французски. Бёлль отвечает по-французски с трудом. Потом они переходят на английский, это ей нелегко. Тогда мы с Владимиром Григорьевичем становимся толмачами.

Оказывается, Бёлль читал ее стихи и по-немецки, и по-английски. Сказал, что ему немецкие переводы нравятся больше, чем английские. Немецкий язык по духу, по степени свободы ближе русскому, чем английский. <...>

Кто-то говорит, что в этом году Нобелевская премия будет присуждена Ахматовой. Она царственно: «И хлопотно, и не нужно, и один швед сказал, что не дадут». Мы вопросительно глядим на Бёлля: «Кто знает, кто знает...»

Анне Андреевне нравится замысел фильма «Достоевский и Петербург». Нравится, что Генрих хочет возможно больше текстов Достоевского и образы Петербурга. <...>

Она расспрашивала, что Бёлль уже видел, где побывал.

¹⁰ Аксенов В. Звездный билет // Юность. 1961. № 7. С. 65.

— И про Сенную площадь не забыли?

Бёлль рассказывает о внучке Достоевского — ленинградском инженерере. Выйдя на пенсию, он стал неутомимым, дотошным исследователем и биографом деда. Нас он заставлял считать шаги от «дома Раскольников» до «дома процентщицы», показывал дверь, за которой был спрятан топор. Посетовал, что несколько обнаруженных им квартир Мармеладовых не совпадают с описаниями, и доверительно сказал: «Вероятно, в романе квартира, так сказать, синтетическая...»

Бёлль ответил ему вполне серьезно:

— Вы, конечно, правы. Писатели иногда делают такие синтезы. Анна Андреевна смеялась.

Прощаясь, Бёлль поцеловал ей руку. Такое мы увидели впервые. И совсем необычно для него торжественно сказал:

— Я очень рад, очень горжусь, что увидел главу русской литературы. Достойную главу великой литературы.

Анна Андреевна говорила потом:

— А он, пожалуй, лучший из иностранцев, которых я встречала. Они ведь почти все — дикари. А он удивительно милый человек¹¹.

3 сентября 1965 г. Ахматова сообщила Нике Глен: «Что Надя [Мандельштам]? Как ее дела, квартира, здоровье. Бёлль сказал мне, что его друг перевел Мандельштама, но про все это знает Копелев»¹²; 15 сентября Бёлль писал Владимиру Адмони: «Часто вспоминаю нашу совместную поездку к Анне Ахматовой, замечательной женщине» [1, с. 289].

По свидетельству М.В. Баньковской — со слов С.С. Гитович — перед визитом Бёлля Ахматова сказала последней: «Не люблю немцев»¹³. Другое свидетельство, видимо, тоже от Сильвии Гитович: «Она принципиально и воинственно не устраивала свой быт. Когда к ней приехал Генрих Бёлль, она уселась на поломанный стул, чтобы знаменитый гость не сел на него случайно и не свалился»¹⁴. В комаровской «Будке» присутствовали жена и сыновья Бёлля — в 2009 г. Рене Бёлль писал нам: «Yes, I and my brother Raimund we were in Komarovo visiting Anna Akhmatova. It was a short visit, because

¹¹ Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956–1980. М.: Книга, 1990. С. 289–290.

¹² Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / сост. О.С. и М.В. Фигурновы. М.: Наталис, 2001. С. 462.

¹³ Белодубровский Е. Авторитет простых воспоминаний, или разговоры об Анне Ахматовой // Вечерний Санкт-Петербург. 1997. 9 июня.

¹⁴ Друскин Л. Спасённая книга. Воспоминания, London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1984. С. 189.

Mrs. Akhmatova was not well. I don't remember details only that it was very impressive to meet her». Наконец, присутствовала и сотрудница Иностранной комиссии Союза писателей И.Ф. Огородникова (1923–2008), которая доложила в совместном с М.М. Кияткиным «Отчете о работе с западногерманским писателем Генрихом Бёллем»: «Бёлль имел краткие встречи с писателями и критиками Ахматовой, [Д.А.] Граниным, [Т.Л.] Мотылевой, [Л.В.] Гинзбургом, [И.Д.] Константиновским, [З.С.] Паперным, [К.Н.] Озеровой <...> С искренней и неподдельной симпатией говорил он о книгах Паустовского, Виктора Некрасова, Солженицына, Солоухина и В. Аксенова. Он знает и современную русскую поэзию в немецких переводах. <...> Он проявил интерес к советской литературе и искусству, в том числе к писателям и художникам, подвергавшимся критике в советской печати (Евтушенко, Вознесенский, Аксенов и др.). Он интересовался также делом Бродского, о котором так много пишут на Западе, и сообщил о своем намерении обратиться с письмом в Союз писателей, т.к. его беспокоит шумная кампания, продолжающаяся в ФРГ вокруг этого имени. Он считает, что эта история наносит ущерб нашему престижу»¹⁵.

Гюнтер (Guenther) Иоганн фон (Ганс; 1886–1973) — немецкий поэт, переводчик, прозаик, мемуарист. Из его ахматовских переводов названа в записи для автобиблиографии от 11 июля 1965 г. [8, с. 611] составленная им «женская антология»¹⁶, озаглавленная переименованной строчкой финала стихотворения «Любовь» («И страшно ее угадать в еще незнакомой улыбке» — *Doch schrecklich, wenn mann sie errät / In Lächeln noch unbekannt gestern*). «10 июля 1965. (Для памяти) <...> Переписать нем<е>цкие переводы (Гюнтера)» [8, с. 636] — т. е., по-видимому, перечислить для автобиблиографии стихотворения, каковыми были «Любовь», «Песня последней встречи», «Я сошла с ума, о мальчик странный», «Муза-сестра заглянула в лицо», «Как велит простая учтивость», «Перо задело о верх экипажа», «После ветра и мороза было», «Я научилась просто, мудро жить», «Гость», «Вместо мудрости — опытность, пресное...», «Есть в близости людей заветная черта», «О тебе вспоминаю я редко», «Перед весной бывают дни такие», «Широк и желт вечерний свет», «О, есть

¹⁵ *Земляной С.* «Целесообразно проявлять холодность»: Генрих Бёлль под надзором советских писателей // Политический журнал. 2005. № 23 (74). 27 июня. С. 78–81.

¹⁶ *Dein Lächeln noch unbekannt gestern. Verse russischen Frauen.* Heidelberg: Rothe, 1958. 86 S.

неповторимые слова», «В каждых сутках есть такой», «Я окошка не завесила», «Чем хуже этот век предшествующих? Разве...», «Течет река неспешно по долине», «Когда в тоске самоубийства», «Не с теми я, кто бросил землю», «Над озером луна остановилась», «Все расхищено, предано, продано», «Кое-как удалось разлучиться», «Пока не свалюсь под забором», «На пороге белом рая», «Заплаканная осень, как вдова», «Ива», «Муза». Ср. запись посетительницы о разговоре 8 июля 1965 г.: «Показала книгу на немецком языке, недавно изданную, “Русские женщины-поэты”. Там несколько имен: Ахматова, Мирра Лохвицкая, Гиппиус, Поликсена Соловьева, две-три другие мне неизвестны. А.А. говорит, что очень хороший перевод»¹⁷. Запись июля 1965 г. о подготовке обязательных материалов для диссертации английской славистки об Ахматовой: «Что Аманде: (1965 — июль — Ленингр<ад>) <...> Из статьи Иоганнеса фон Гюнтера» [8, с. 608]. Имеется в виду пассаж в послесловии (Nachwort. S. 83–84):

Анна Ахматова, увенчанная поэтическим венком еще в храме символизма, стала первой пророчицей постсимволистской школы гуманистичности, столь же непритязательной, сколь и глубокой. В лице Ахматовой Россия и мир получили ученицу Сапфо, одну из величайших поэтесс любви. Подобных звуков никто не находил до нее, то, что превратилось у нее в бессмертную музыку, никогда со времен Сапфо, способной петь похожим образом, не звучало со столь потрясающей простотой и человечностью. Новая азбука любви, понятная каждому и трогающая до глубины, была дарована русскому миру, и он подхватил ее с затаенным дыханием. Разве могло подобное подойти конвейеру диалектического материализма с его четко вымеренными стандартами для каждого душевного порыва? Хотя Анна Ахматова осталась в России и не эмигрировала, кремлевское папство отвернулось от нее с содроганием. Разумеется, Ахматову заставили замолчать, как это умеют делать в тех местах самым «демократическим» образом. Тем не менее, у каждого способного слышать не может быть сомнения в том, что короткие волны из сердца, начавшие звучать однажды, неспособны замолкнуть. Так и Сапфо вынуждена была ждать порой столетиями, чтобы быть услышанной вновь. Поэзия старше философии и долговечнее политики, поэзия — младшая сестра религии.

¹⁷ Любимова А.В. «Дорога не скажу куда...». Дневниковые записи о встречах с А.А. Ахматовой, 1944–1965 гг. СПб.: Агат, 2004. С. 56.

Это место послесловия выписано еще раз в библиографию: «Гюнтер Ганс: В сборнике женских стихов переводы и критическая справка (стр. ...)» [8, с. 658] и помянуто в критике вступительной статьи Глеба Струве к американскому изданию: «Неплохо было бы этому видному калифорнийцу также посмотреть <...> отзывы вроде Гюнтера в книге женских русских стихов). (См. стр. ...)» [8, с. 699]; см. также: «Ганс Гюнтер: В сборнике женских (Гиппиус, Цветаева и т.д.) переводных стихов. Стр. ...» [8, с. 695]; «Йоганнес фон Гюнтер в сб<орнике> дамских стихов» [8, с. 736]. Об этой антологии А.С. Эфрон писала 27 декабря 1962 г. И.Г. Эренбургу, и в неупоминании Ахматовой можно видеть отголосок давнего соперничества двух поэтесс: «Сегодня я получила книгу, к<отор>ая называется “Dein Lächeln noch unbekannt gestern” (Verse russischer Frauen) Johannes von Guenther, Wolfgang Dothe-Verlag, Heidelberg, 1958 — там Каролина Павлова! Мирра Лохвицкая! Гиппиус! Черубина де Габриак! Теффи! Шагинян и др. Большой раздел маминых стихов. Знаете ли эту книжечку? Очень занятная. А некот<орые> переводы просто очень хороши»¹⁸.

Гюнтер фигурирует в сводных списках переводчиков на немецкий: [8, с. 347, 609, 624]. Не упомянуты его переводы в книге, о которой Ахматова могла знать из отзыва советской печати: «Поэтическая трибуна предоставлена таким более чем сомнительным величинам, как Георгий Иванов, Г. Адамович, Л. Вил[ь]кина, И. Одоевцева, Б. Поплавский, В. Набоков. Очень раздут раздел русской поэзии начала XX века — тут и Бальмонт, и Мережковский, и Гиппиус, и Соловьева-Аллегро. А вот в советском разделе нет ни А. Твардовского, ни А. Прокофьева, ни М. Светлова, ни А. Суркова, ни С. Щипачева, ни М. Алигер, ни О. Берггольц. <...>. Стихи <...> подобраны так, словно бы их создатели и не жили в советское время и ничем не были связаны с советской действительностью. <...> Весьма примечательно, что на страницах антологии, вышедшей в наши дни в Западной Германии, совершенно обойдена антифашистская тема, занимающая столь важное место в новейшей русской поэзии. В подборке стихов Анны Ахматовой читатель не найдет ни одного из ее широко известных прекрасных стихотворений, посвященных борьбе советского народа с гитлеровскими захватчиками»¹⁹: Ср.: «Хорошо также <как

¹⁸ Я слышу всё...: Почта Ильи Эренбурга, 1916–1967 / изд. подгот. Б.Я. Фрезинский. М.: Аграф, 2006. С. 516–517. — В сборнике Гюнтера также были представлены Ю. Жадовская, Л. Вилькина, Л. Столица, А. Радлова, И. Одоевцева.

¹⁹ Мотылева Т. Неблагожелательный нейтралитет // Иностранная литература. 1961. № 12. С. 242.

и Блока» перевел он Ахматову. Ему вообще удаются переводы стихов “напевного” характера (Lieder, голос крови Шубертов и Шуманов)»²⁰. Речь идет о книге: *Neue Russische Lyrik. Herausgegeben und übersetzt von Johannes von Guenther. Mit einer Einleitung von Juri Semjonow. Frankfurt a/M, 1960.* Во вступлении слависта Юрия Семенова (1894–1977) говорилось: «...петербургский неоклассицизм проявляется у Ахматовой очень ярко. Возможно, что со времен Сапфо не было более сильного специфически женского поэтического дарования. Любовь является ее исконной темой. Но разве поэты, а в особенности поэтессы, до нее воспевали что-то иное? Конечно, но не так как она, иначе. Томики ее стихов немногочисленны и невелики по объему, но в своей совокупности они наглядно демонстрируют эволюцию большого поэта. Ранние грациозно простые, порой немного манерные, любовные песни углубляются и усложняются в горькие мотивы любви, смерти и лишений. Стилистический фон Петербурга сменяется душевной реальностью Родины и народа. Религиозное переживание перестает быть просто “мотивом”, становясь естественным завершением земной любви. Стих твердеет, слово плотнеет и приобретает новые смыслы. При всей своей музыкальности, стихи Ахматовой подходят для декламации, а не для пения. Ее стихи опираются на коренные свойства слова».

Не очевидно, что Ахматова отождествляла немецкого переводчика и поклонника с тем, кого она встречала в Петербурге перед первой мировой войной и к которому у нее были большие претензии — в 1927 г. она рассказывала об истории дуэли Волошина и Гумилева 1909 г.: «И Макс играл тут не очень красивую роль. <...> а особенно какой-то Гюнтер» [4, с. 349, 374–375]; в 1960-е гг. она рассказывала эту историю А.Г. Найману: «и еще был при этом какой-то немчик» [15, с. 7–8]. Ирина Одоевцева, вспоминая свое посещение Гюнтера в 1967 г., преувеличивала любовь Ахматовой к нему: «Из рассказов Гумилева о нем я знала, что он отличается редкой способностью превращать всех своих знакомых в друзей. С ним дружили все, без исключения, даже враждовавшие между собой, поэты. Его любили Блок, Гумилев, Ахматова, Андрей Белый, Кузмин и так далее. Я знала, что он был умен и остроумен, красив, строен — и, конечно, — как тогда полагалось — изысканный эстет.... <...> И вот, мне уже кажется, что в его кабинете, кроме него, его жены, его кота и меня — еще

²⁰ Шерман О. Антология «Новая русская лирика» // Русская мысль. 1961. 11 февраля.

и Блок, и Гумилев, и Андрей Белый, и Ахматова, и Мандельштам. Все они тут. Все они разговаривают со мной»²¹.

Уже после смерти Ахматовой увидели свет его воспоминания, которые раньше бытовали в его устных рассказах. Так, Д. Кленовский (Крачковский) писал Б.А. Филиппову 6 декабря 1963 г.: «С Гюнтером у меня зашел разговор о семейной жизни Гумилева и Ахматовой, и он, по своим воспоминаниям, полагает, что в ней не было благополучно. Ахматова любила флиртовать (была в частности по уши влюблена в поэта Князева, любовника ее подруги Глебовой-Судейкиной), и Гумилев был весьма влюбчив. Оба к тому же изрядно выпивали. Гюнтер вспоминает, что когда Ахматова рожала Левушку, Гумилев весь в слезах бегал по ресторанам и рассказывал всем, что ребенок... не от него. Не знаю, где здесь правда и где выдумка!»²². В своей книге Гюнтер дописал к этому рассказу: «Левушка, ставший после тяжелейших испытаний известным историком, с годами все больше и больше походит на Гумилева, так что ни у кого не остается сомнений, что он сын поэта. Сама Анна Ахматова никогда не говорила об этом. Она была и остается самой прославленной и любимой поэтессой нации. Однако она не сохранила верность своему поколению. Всех нас, помогших ей взойти на трон, который так ее красил, она по истечении времени наградила ненавистью или презрением. Об этом у меня скопилось немало заслуживающих доверия сообщений. Но что в том, довольствуемся главным: она была, и мы должны быть благодарны за то, что она была и что из этой золушки сотворилась чудеснейшая легенда» [6, с. 336]. В мемуарной книге он рассказывал о первом знакомстве с Ахматовой:

Кто только не выступал на этой маленькой эстраде! Шаляпин, Собинов, Блок, Брюсов, Сологуб, Белый и многие другие русские поэты; Герман Банг, Эмиль Верхарн, Маринетти и другие заезжие, — это были незабываемые вечера искусства. Выступали потом и молодые: Ахматова, Мандельштам, Игорь Северянин; мне тоже пришлось прочесть до сотни стихов Стефана Георге, Гете, фон Моргенштерна, а также и свои. <...> Здесь же, в «Бродячей собаке», я увидел Ахматову, когда она уже полгода была замужем за Гумилевым. Он знал, как талантлива была Анна Андреевна — и делал все, чтобы оставить ее в пустыне неизвестности. Вознесенный на высоту, он плохо отзы-

²¹ Одоевцева И. К 85-летию Иоганна фон Гюнтера // Русская мысль. 1971. 17 июня.

²² Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University. Boris Fillipov Papers. GEN MSS 334. Box 4, f.108; сообщено А.А. Долинным.

вался о ее стихах, издевался над ними, обижал и оскорблял поэтессу [7, с. 342, 347].

Уже по этому фрагменту видно, как ненадежна память вспоминающего: Герман Банг был в России незадолго до открытия «Бродячей собаки», Блок, Андрей Белый, Шаляпин там не выступали, сведения о небывшем там выступлении Верхарна заимствованы из мемуаров Георгия Иванова и Ю.П. Анненкова [13]; через полгода после женитьбы Гумилева и Ахматовой Гюнтер действительно физически мог видеть Ахматову — см. сообщение в газетной хронике: «В Петербург приехал известный немецкий поэт и драматург Гюнтер» (Биржевые ведомости. 1910. 18 октября), но Гумилев в это время находился в Африке, поэтому эпизод встречи с молодоженами в редакции «Аполлона» не мог иметь места, а до открытия «Бродячей собаки» оставалось больше года. Рассказ о дебюте Ахматовой на Башне Вяч. Иванова очевидно пересказывает «Петербургские зимы» Г. Иванова. Как сказано в предисловии Ю.И. Архипова к первому русскому, к сожалению, некомментируемому изданию его мемуаров, «принимать за чистую монету показания мемуариста нельзя. Свидетель сей лжет — как всякий свидетель. Лжет, то есть говорит свою, одностороннюю, правду. Излагает события так, как они виделись — или запомнились — ему. А о себе любимом, как правило, запоминается все самое лучшее, нередко — в сильном преувеличении собственных заслуг и достоинств. <...> Однако подобные преувеличения естественны, от любых воспоминаний неотъемлемы. Пытливый читатель и сам догадается провести — с помощью многих других документальных источников — “феноменологическую редукцию”, то бишь корректировку смысла описываемых явлений, необходимую для поиска истины» [6, с. 9]. Об этом же мягче было написано ранее К.М. Азадовским: «В его суждениях немало субъективного; местами и память подводит мемуариста. (Видимо, желая избежать неточностей, Гюнтер использовал в работе над книгой и ряд материалов, обнародованных в более позднее время)» [9, с. 338].

Первая справка о нем в советской печати — заметка А.Е. Парниса «Гюнтер Й.» [10, т. 9, стб. 254]; из ряда новейших публикаций укажем: [20; 23; 17].

Зелинский Феликс Фаддеевич (1886–1970) — ботаник, преподаватель природоведения в шондорфской гимназии; в указателе к [8, с. 795] раскрыт неверно как Фаддей Францевич — его отец Ф.Ф. Зелинский (1859–1944), филолог-классик. Помета марта (?) 1962 года: «Из записей Лукн<ицкого> 13 июня 1924 г. (13 июня) Дата письма

переводчика Ф. Зелинского (из Шондорфа, Верх<няя> Бавария), (14 стих<отворений> переведены на нем<ецкий> яз<ык>» [8, с. 152]. В библиографии переводов Ахматовой на немецкий — наряду с М. Шиком, Лешницером, С. Вейнбергом, А. Мэтро, Иоганнесом фон Гюнтером [8, с. 624]. «Шандорф» <так!> — в списке городов, из которых Ахматова получала письма [8, с. 513].

В дневниках П.Н. Лукницкого зафиксировано с опиской в цифрах года: «1913 г. 13 июня. Дата письма переводчика стихов АА на немецкий язык Ф. Зелинского к АА из Шондорфа (Верхняя Бавария). В письме перечислены четырнадцать стихотворений, переведенных на немецкий язык» [11, с. 325]; как пояснение описки Лукницкого — повторение даты в ахматовской записи.

Феликс Зелинский в 1919 г. на лыжах по льду залива бежал из Петрограда в Финляндию, а в 1920 г. обосновался в Баварии. Ахматовой он писал:

Милостивая Государыня,

Вдали от родины, как никогда раньше, пленила меня прелесть ее новейшей поэзии. И вот я принялся переводить все то, что мне особенно нравилось — и что не слишком казалось трудным — на немецкий язык. Переводов набралось уже довольно много, а т.к. среди читающей немецкой публики интерес к русской культуре чрезвычайно велик, то я думаю, что будет некоторая даже заслуга, если мой сборник вышел бы в печать.

В числе других (А. Блока, Бальмонта, Сологуба, Белого, Брюсова, Минского, Городецкого, В. Иванова, Кузмина, Гумилева и некот<орых> др<угих>) я перевел и целый ряд Ваших стихотворений, а именно:

*Сжала руки под темной вуалью

*Сероглазый король

Как невеста получаю

Мы не умеем прощаться

Для того ль тебя носила

Молитва

Где, высокая, твой цыганенок

Бесшумно ходили по дому

Так раненого журавля

Буду тихо на погосте

*Памяти 19 июля 1914 г.

Широк и желт вечерний свет

Я не знаю ты жив или умер

О, есть неповторимые слова

Помеченные (*) я нашел частью в сборнике «Русский Парнас» (Insel verlag), частью в антологии, составленной Мельниковой-Папоушковой (Прага), остальные — в «Белой Стая» изд. Алконост.

Уверен, что перечисленными стихотворениями не ограничусь, т.к. на днях достались мне «Четки» и «Anno Domini». Пока упиваюсь всем, но многое — особенно из последней книги — уже наметил себе для перевода.

Вот и обращаюсь к Вам с просьбой разрешить мне переводить и впредь, а переведенное печатать. Если Вам угодно подробнее узнать, кто я таков, то — кроме меня самого — сведений обо мне сможет Вам дать близкий мой родственник и друг Адриан Иванович Пиотровский (Каменоостр. просп. 19).

Примите уверение в глубоком моем уважении и готовности ко всяким услугам.

Ф. Зелинский.

Прошу прощения, что не мог в точности узнать Вашего отчества. (ИРЛИ. Коллекция П.Н. Лукницкого. Альбом X. № 22).

Упоминаются: Русский Парнас. Сост. Александр и Давид Элиасберг. Leipzig, 1920 («19 июля 1914 г.»); Антология русской поэзии XX столетия. Сост. Н.Ф. Мельникова-Папоушкова. Том II. Прага, 1920 («Сероглазый король», «Сжала руки под темной вуалью»); Адриан Иванович Пиотровский (1898–1937) — внебрачный сын Фаддея Францевича Зелинского, несколько раз писал об Ахматовой: *Пиотровский А.* Бург-фриден // Жизнь искусства. 1921. 27 декабря; *Пиотровский А.* Петербург-Париж // Жизнь искусства. 1922. 1 августа и др. Следов публикации переводов Феликса Зелинского мною не обнаружено.

Зубов Валентин Платонович, граф (1884–1969) — искусствовед, поэт. Внесен в предположительный список парижских обитателей среди иностранных адресатов рассылки сборника «Бег времени» в октябре 1965 г.: «Мако<вский И.С.>, Зуб<ов>, Вейдле» ([8, с. 97]; в цитируемом издании не раскрыт и в именном указателе не отражен) — после июньской встречи в Париже (см. подробнее: [14, т. 1, с. 459–460; 14, т. 2, с. 588–590]). Он — автор сборника выпущенных под криптонимом немецких стихов: «Глубокоуважаемой Анне Андреевне Ахматовой на добрую память. В. Зубов. Петербург, 2 дек. 1912» — на книжке: V.Z. Gedichte (Gedruckt in hundert mit der Hand numerierten Exemplaren. Dieses Exemplar trägt die Nr 52) [11, с. 29]; в сборник входит цикл «Святая Русь» («Паломник», «Отшельник»,

«Монах», «Пилот» (авиатор, сравниваемый с альбатросом и Фаэтоном), «Оставьте с мыслями наедине...», «Себе воздвиг прекрасные чертоги...»); он же персонаж «донжуанского списка» Ахматовой [11, с. 284], — в период означенного «донжуанства» был уже разведен со своей первой женой Софьей Иппа, от которой имел дочь Анастасию [16, с. 590, 666, 791, 792].

См. запись беседы Ю.П. Иваска с ним в 1960 г.: «Граф Зубов часто бывал в “Бродячей Собаке” Пронина. Дружил с Анной Ахматовой. Слышал Маяковского: по своему словотворчеству Маяковский стоит почти наряду с Пушкиным и лучше всего выражает свою эпоху. О стихах Г. Иванова “В пышном доме графа Зубова...”. Но Г. Иванов у меня в доме не бывал... это его пышная фантазия» [3, с. 509]. Речь идет о стихотворении, написанном в 1940-е гг.:

В пышном доме графа Зубова
О блаженстве, о Италии
Тенор пел. С румяных губ его
Звуки, тая, улетали и

За окном, шумя полозьями,
Пешеходами, трамваями,
Гаснул, как в туманном озере,
Петербург забываемый.

...Абажур зажегся матово
В голубой, овальной комнате.
Нежно глядя пса лохматого,
Предсказала мне Ахматова:
— “Этот вечер вы запомните”²³.

Под своим именем он был выведен Сергеем Волконским (себя назвавшим «Конинский») в автобиографическом романе:

— А! Валик, здравствуй!

Вошел молодой человек, маленький с маленькими у ушей бачками, с юркими, неприятными глазами, вида незначительного, но с намерениями значительности. Это был граф Валентин Зубов,

²³ *Иванов Г.* Стихотворения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.Ю. Арьева. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2010. С. 293–294. Тут же — попытка усомниться в заявлении В.П. Зубова (С. 626).

затевавший в своем доме на Исакиевской площади устроить Институт Истории Искусств.

— Ох, Валик, как ты важен сегодня, — воскликнул Врангель, — сейчас видно, что директор будущего института... Вот и в «Речи» статья о будущем твоём заведении. Прочитай.

— Я «Речь» не могу сейчас читать, я забыл перчатки дома.

— Какая же связь? — спросил Андрей.

— Я «Речь» не могу без перчаток читать... Га, га, га!... — засмеялся он своим странным смехом, похожим на глумительный лай.

— Для чего же перчатки?

— Чтобы не запачкаться о свободомыслие. Га, га, га!...

— Что же вы в таком случае читаете? То есть что читаете без перчаток?

— В том-то и дело, что скоро нечего будет читать...

— Ну, прощайте, — сказал Врангель, собирая свой битком набитый портфель. — Может быть, сегодня у Раушей встретимся? <...>

Известный скульптор барон Рауш фон Траубенберг, мастер конных статуэток, жил на Английском проспекте в одном из новых домов, на самом верху, в квартире, отделанной «по-николаевски», — с темно-синего цвета гостиной, белые колонны, карельская мебель. Он и его жена очень радушно и гостеприимно принимали. Врангель уже сидел за чайным столом и потешал хозяев рассказом о том, как Зубов читает газеты.

— Нет, Вы представьте, вы представьте, для каждой газеты у него другие перчатки, другого цвета, другой «салисабельности». «Новое время» читается в лайковых серых, «Речь» читается в кожаных рукавицах, непроницаемых, «Русские ведомости» в зеленых!..

Все расхохотались: «Это почему?»

— Потому что краснота газеты зеленою перчаткой нейтрализуется, и получается белое... — толстые губы Врангеля сжались в розовых складках, и он обвел присутствующих таким взглядом, который говорил: «Как вам это нравится?» — Ну, а «Московские ведомости» читает в белых перчатках, — эти не пачкают. <...>

— Что вы сегодня вечером делаете? — спросил Врангель.

— Иду в «Бродячую собаку».

— Скучно.

— Скучно. А где не скучно?

— Да, по-моему, не скучно только в тех местах, которые не для веселья созданы. <...>

Под размалеванными сводами, с которых глядели на них какие-то рожи, птицы и цветы, на диване, сливающимся со стеной под

кусками пестрых материй и подушек, перед мудреным подсвечником из витого железа, в котором горела, дымила и таяла толстая короткая свеча, сидели Нина с Андреем. Со сводов и из разных углов двойного помещения, разделенного арками, струился несуразный свет из лампочек, завешанных цветными лоскутами таинственной полупрозрачности. Нина и Андрей сидели в той части помещения, которая была на три, четыре ступени выше большой комнаты, в которой были подмостки и стояло фортепьяно. Сквозь одну из арок они видели большую эстраду и часть публики. <...> Чтец на эстраде заливался, — жидким голосом разводил какую-то словесную певучесть.

— Отчего он так неестественно напевает, этот «юноша-поэт»? — осведомилась Нина, обращаясь к Конинскому.

— Это уж их манера. В этом выражается избранность натур. <...>

— А скажите, кто вон в том углу сидит, красивая, строгая, с таким четким профилем?

— Не знаете? Анна Ахматова.

Нина засмотрелась на прекрасное лицо:

— Ассирийская царица, — сказала она. — И рядом с ней маленький Зубов! Это точно в какой-нибудь фантастической книге Уэльса, где перемешаны все века и все людские поколения.

— Вы не находите, что это облегчает понимание вечности, такие сближения?

— Да? Вы больше чувствуете вечность, когда она вам преподносится в конденсированном виде?

— Совершенно верно. Хотя Гейне и говорит —

Ewigkeit, wie bist du lang,

Länger noch als tausend Jahre?²⁴

О Зубове того периода, когда произошло знакомство с Ахматовой и когда затевался Институт истории искусств, вспоминал его приятель граф Б.Г. Берг:

Он снял свой стилизованный костюм, стал курить трубку и изображать немецкого ученого профессора. По поводу этой перемены Врангель еще сочинил вздорные стихи:

Наш Валя был всегда беспутен,

Влеком к пороку и козлу;

²⁴ Волконский С. Последний день. Роман-хроника. Берлин, 1925. С. 339–350. *Салисабельность* (salissable, фр.) — маркость; «вечность, как ты долга, длиннее, чем тысяча лет...» — парафраз Гейне немецкой народной песни.

Ему был мил Гри Гри Распутин
 И уважаемый Дю Лу.
 Но все прошло. В дворце барокко,
 Где некогда царил порок,
 Где был директор Врангель — Кока,
 Там — добродетели пророк,
 Сняв стилизованные брюки
 И запечатав погреб вин,
 Соорудил там храм науки —
 Преображенный Валентин²⁵.

В.А. Стравинская в 1918 г. записала в дневнике: «Потом приходит Сережа [Судейкин], и так как у нас разговор об Анне Ахматовой, то я прошу его рассказать о ней подробно. Он рассказывает о любовных неудачах ее (Князев, граф Зубов, Блок, Лурье)»²⁶. Судейкин, вероятно, был осведомленным вестовщиком — памятником флирта с ним осталось помеченное «С.С.» в экземпляре, подаренном В.С. Срезневской, стихотворение «Безумно пощады просят...» (1913), о котором Ахматова, в опровержение читательских чаяний, видевших адресатом Блока, сказала И.Н. Розанову в 1923 году: «О Блоке и о строч<к>е “Короткое звонкое имя”. “Имя было вовсе не короткое: в 3 слога”» [4, с. 345]. Покойный М.М. Кралин внес в свой комментарий высказанное мной ему предположение, что короткое имя — это — «Пим», как называла С.С. О.А. Глебова-Судейкина²⁷, на каком-то предположении я давно не настаиваю, а в свете розановской записи нахожу слово «Судейкин» вполне звонким именем.

См. о нем: [15, с. 238–241].

Лешнитцер (Leschnitzer) Франц (1905–1967) — немецкий литературовед и переводчик, живший в СССР с 1933 по 1959 г. (потом вернулся в ГДР), преподаватель Института иностранных языков. В списках переводов Ахматовой на немецкий [8, с. 347, 510, 623, 736]; «Переводы Лешницера — 40-ые годы. “Художнику”...» [8,

²⁵ Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета США. — Шарль (Карл Юльевич) Дю-Лу, получивший в прессе прозвище «половой гурман», преподаватель французского языка в Александровском лицее, Пажеском корпусе, Училище правоведения, Морском кадетском корпусе и других учебных заведениях, в июне 1908 года обвиненный в растлении малолетних, приговоренный к шести годам каторги, помилованный в 1910 году и высланный за пределы России без права возвращения.

²⁶ Судейкина В. Дневник: 1917–1919 (Петроград — Крым — Тифлис) / изд. подгот. И.А. Миньшова. М.: Русский путь, 2006. С. 203.

²⁷ Ахматова Анна. Соч.: в 2 т. / сост. М.М. Кралин. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 374.

с. 609]. Этот перевод из Ахматовой входил в антологию «Wort und Gestalt. Gedichte und Bilder» (Dresden: Verlag der Kunst, 1958).

Лев Гинзбург в рецензии на антологию советской поэзии отнес переводы Ф. Лешнитцера из Ахматовой к «хорошим», наряду с другими в этой книге — «гениальными», «удивительными», «прекрасными», «великолепными» [5, с. 230].

Во время войны Лешнитцер был эвакуирован в Ташкент (вернулся в Москву в 1948 г.), где, может быть, встречался с Ахматовой. См. воспоминания его ташкентской знакомой: «Франц Лешнитцер в молодости был учеником Карла Крауса, эстетом и немного снобом. Литературу он любил фанатично, очень интересовался тем как все написано, говорил, что не к месту поставленное тире причиняет ему физические страдания. Непонятно почему и зачем он вступил в Германии в коммунистическую партию, и когда Гитлер пришел к власти — эмигрировал в Советский Союз. Он был евреем и коммунистом, и его гибель в Германии была неминуема, но и в “давшем ему приют” Советском Союзе ему пришлось очень несладко. В Союзе пыльным цветом процветали шпиономания и бдительность, иностранцев, а уж особенно немецких эмигрантов, арестовывали почти поголовно, и жить было страшно <...> Он всегда очень хотел есть и курить, а это было невозможно: денег у него не было, на работу никто не брал, да и как можно было прийти в любой сектор кадров с документами, где прямо было написано, что он немецкий подданный. К тому же он говорил с сильнейшим немецким акцентом, и, когда он произносил слова “товарищ” или “пачка папирос”, любого советского гражданина “неудержимо тянуло” потащить его в кутузку»²⁸.

«По бессмертному определению проживавшего одно время у нас немецкого поэта Франца Лешнитцера, Союз советских писателей это “Союз пузателей и пивателей”»²⁹.

Рильке (Rilke) Райнер Мария (1875–1926) — австрийский поэт. Как одно из дополнений в теоретически мыслимом переиздании сборника «Вечер» в 1959 г. — перевод его стихотворения [8, с. 21]; ср. запись от 1 июня 1927 г.: «АА когда-то (очень давно) перевела с немецкого стихотворение Рильке “Одиночество” (первая строка:

²⁸ Пуриц Е. Воспоминания // Семь искусств. 2017. № 10 (91) // <https://7i.7iskusstv.com/2017-nomer10-puriz> (дата обращения: 01.07.2021).

²⁹ Любимов Н.М. Неувядаемый цвет: книга воспоминаний. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 3. С. 179.

“...золотое одиночество...”» [11, с. 262]. Стихотворение впервые напечатано В.М. Жирмунским (Новый мир. 1969. № 5. С. 53):

Одиночество (из Рильке)

О святое мое одиночество — ты!
И дни просторны, светлы и чисты,
как проснувшийся утренний сад.
Одиночество! Зовам далеким не верь
и крепко держи золотую дверь,
там, за нею, желаний ад.

1910. Царское Село.

Ср. оригинал, посвященный датскому писателю Йенсу Петеру Якобсену (1847–1885):

Du meine heilige Einsamkeit,
du bist so reich und rein und weit
wie ein erwachender Garten.
Meine heilige Einsamkeit du —
halte die goldenen Turen zu,
vor denen die Wunsche warten³⁰.

Ахматовская датировка, как и в некоторых других случаях у нее, здесь означает, возможно, не «1910 год», а «1910-е годы». Кто был посредником и вдохновителем перевода — пока неясно, можно предположить кого-нибудь из знатоков, входивших в круг журнала «Аполлон» и Общества ревнителей художественного слова, скажем, Валериана Чудовского или Сергея Радлова, который писал (20 декабря 1912) о своих трудах сестре Н.Э. Казанской: «Рильке что-то не преуспевает»³¹. Предмет переводного стихотворения отвечал задаче юной поэтессы — подключиться к сквозным мотивам русской лирики от романтиков до символистов (см.: [22]).

Тема Рильке занимала не вовсе последнее место в разговорах Ахматовой, в отличие от того, как это сформулировал в разговоре В.С. Муравьев: «Она как раз к Рильке была глубоко равнодушна. Читать его по-русски нет никакого толку, стихи вообще надо в оригинале читать, а по-немецки, в общем-то, она почти не читала»³².

³⁰ *Rilke, Rainer Maria*. Advent. Leipzig, 1898. S. 10.

³¹ ОР РНБ. Ф. 1073. № 1100. Л. 30.

³² Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / сост., коммент. О.Е. Рубинчик. СПб.: Невский диалект,

Ср. запись ее слов: «Это был сложный поэт. И у нас его переводили мало и плохо. Рильке — это немецкий Блок»³³.

Нуждается в комментировании запись в беглом конспекте беседы с Ахматовой 7 февраля 1945 г.: «Рильке <так> — греческие мифы сквозь арийство: к Марине Цветаевой»³⁴.

Шик Максимилиан Яковлевич (1884–1968) — немецкий поэт, переводчик, живший в Москве. В автобиблиографии Ахматовой — в перечнях немецких переводов [8, с. 347, 609, 623, 736]. См. его письмо к Ахматовой от 27 января 1957 г.: «Лет 11 тому назад я послал Вам мой перевод Вашего стихотворения “Маяковский в 1913”. Недавно я надумал его вновь напечатать вместе с Вашей “Музой” и чудесными Вашими стихами “Борис Пастернак”. Увы! Редакция “убоялась” печатать “славословие” Борису Леонидовичу и поместила вместо него Ваши ленинградские стихи в переводе Лешницера, который, по моему скромному мнению, не почувствовал внутреннего ритма Ваших стихов. <...> Если мне еще суждено познакомиться с Вами (мне уже 73 года), то почитаю Вам мои переводы Брюсова и Блока. Когда Вы в последний раз читали у нас в Москве в Союзе, Вы так быстро покинули нас, что я не мог к Вам подойти. А жаль, ведь наша лучшая поэтесса Вы»³⁵.

Ефим Эткинд считал эти переводы одним из первых открытий поэзии Анны Ахматовой на немецком языке, в частности, стихотворение «Муза» (1960) [19, с. 228].

О нем см.: [2].

2001. С. 66. См. там же корректирующую сводку комментатора (С. 191–192).

³³ Готхарт Н. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Время и мы. 1989. № 106. С. 267.

³⁴ ОР РНБ. Ф. 1448. № 173. [Л. 1 об.]; неполностью: Островская С.К. Дневник. М., 2013. С. 681 — точный текст сообщил К.М. Азадовский.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 1073. № 1056. Приложен перевод «Boris Pasternak» (“Im Pferdenaug begegnete Verwandten...”); речь идет о выступлении Ахматовой в клубе СССР 2 апреля 1946 г.

Литература

1. *Азадовский К.М.* Генрих Бёльль и советские «диссиденты» // Азадовский К. Сюжеты и судьбы. Немецко-русские отражения. М.: Литфакт, 2019. С. 284–301.
2. *Азадовский К.М.* Максимилиан Шик и его письма из Германии (1903–1907) // Азадовский К. Сюжеты и судьбы. Немецко-русские отражения. М.: Литфакт, 2019. С. 140–167.
3. *Богомолов Н.А.* Вокруг «Серебряного века»: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 708 с.
4. *Богомолов Н.А.* Собратель. Иван Никанорович Розанов и его время. М.: Азбуковник, 2021. 688 с.
5. *Гинзбург Л.* [Рец. на кн.:] *Sternenflug und Apfelblüte. Russische Lyrik von 1917 bis 1962.* Berlin, 1963 // Вопросы литературы. 1964. № 2. С. 229–230.
6. *Гюнтер И. фон.* Жизнь на восточном ветру: Между Петербургом и Мюнхеном / пер. с нем., предисл., коммент. Ю. Архипова. М.: Молодая гвардия, 2010. 488 с.
7. *Гюнтер И. фон.* Под восточным ветром / пер. с нем. Т. Петровской // Мосты. (Мюнхен). 1970. Т. 15. С. 329–348.
8. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. консульт., вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996. 849 с.
9. Иоганнес фон Гюнтер и его воспоминания / статья, публ., примеч. и перевод К.М. Азадовского // Литературное наследство. М.: Наука, 1993. Т. 92. Кн. 5. С. 330–361.
10. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Сов. энциклопедия, 1962–1978.
11. *Лукницкий П.Н.* Асупиана: Встречи с Анной Ахматовой. Париж; М.: YMCApress; Русский путь, 1997. Т. II: 1926–1927 гг. 372 с.
12. *Тименчик Р.* Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 7: к 120-летию со дня рождения поэта. Симферополь: Крымский Архив, 2009. С. 37–82.
13. *Тименчик Р.* Из Именного Указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Эмиль Верхарн // Пространство безграничной словесности: Сб. статей к 70-летию Всеволода Евгеньевича Багно. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 437–447.
14. *Тименчик Р.* Последний поэт: Анна Ахматова в 60е годы. Изд. 2-е, испр. и расширенное. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим. 2014. Т. 1–2.
15. *Тименчик Р.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; Москва: Мосты культуры, 2008. 686 с.
16. *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения / изд. подгот. К. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 864 с.
17. *Чабан А.* Антология Иоганнеса фон Гюнтера «Новый русский Парнас» в контексте литературных дискуссий начала 1910-х годов // Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Николая Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 304–340.
18. *Черных В.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2016. 943 с.
19. *Эткинд Е.* «...Как Феникс из пепла». Поэзия Анны Ахматовой на Западе. Германия и Франция // Иностранная литература. 1989. № 6. С. 226–232.
20. *Masing-Delic, Irene.* Visiting Johannes von Guenther // Скрещения судеб: Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen: A Festschrift for Fedor B. Poljakov / Ed.by Lazar Fleishman, Stefan Michael Newerkla, Michael Wachtel. Berlin, Peter Lang Publ., 2019. S. 707–709. (Stanford Slavic Studies, Vol. 49)

21. *Perelmuter, Ilya*. Russische Poesie in deutschen Übersetzungen: Bibliographie ausgewählter Werk. Vienna, Danzig & unfried, 2020. 452 S.

22. *Rakusa, Ilma*. Studien zum Motiv der Einsamkeit in der russischen Literatur: Abhandlung. Luzern und Frankfurt/M.: Verlag C.J. Bucher, 1973 178 S. (Slavica Helvetica)

23. *Wachtel, Michael*. Zum Nachleben des russischen Symbolismus in Deutschland: Fedor Stepun und Johannes von Guenther // Скрещения судеб: Литерарische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen: A Festschrift for Fedor B. Poljakov / Ed.by Lazar Fleishman, Stefan Michael Newerkla, Michael Wachtel . Berlin, Peter Lang Publ., 2019. S. 680–706. (Stanford Slavic Studies, Vol. 49)

Research Article

From the Name Index to Akhmatova's Notebooks: To German

© 2021. Roman D. Timenchik

Hebrew University
Jerusalem, Israel

Abstract: Articles from the author's cycle "From the Name Index to Akhmatova's Notebooks" demonstrate the experience of extensive commentary on Akhmatova's working notes, organized around the names of characters entered on her notebooks' pages. It is a kind of free Akhmatova encyclopedia, where the onomasticon combines different times of her long life. This (fifty-first in the cycle) article is organized around the "German theme" and is dedicated to the 80th anniversary of the outstanding philologist Konstantin Azadovsky and concerns the characters, one way or another, touched upon in his scientific works. These are poets-Germanophones (V. Zubov, R.M. Rilke), translators of Akhmatova's poems into German (I. von Gunther, Felix Zelinsky, Frans Leschnitzer, Maximilian Schick), a German visitor (Heinrich Böll).

Keywords: Anna Akhmatova, Notebooks, translation, German, Konstantin Azadovsky, Valentin Zubov, Rainer Maria Rilke, Hans Gunther, Felix Zelinsky, Franz Leschnitzer, Maximilian Schick, Heinrich Böll.

Information about the author: Roman D. Timenchik — PhD in Philology, Professor Emeritus, Hebrew University, Mt. Scopus, 91905 Jerusalem, Israel. E-mail: suzirom@gmail.com

For citation: Timenchik, R. "From the Name Index to Akhmatova's Notebooks: To German." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 326–351. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-326-351>

References

1. Azadovskii, K.M. "Genrikh Bell' i sovetskie 'dissidenty'." ["Heinrich Böll and the Soviet 'Dissidents'."] Azadovskii, K. *Siuzhety i sud'by. Nemetsko-russkie otrazheniia* [Plots and Destinies. German-Russian Reflections]. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 284–301. (In Russ.)
2. Azadovskii, K.M. "Maksimilian Shik i ego pis'ma iz Germanii (1903–1907)" ["Maximilian Schick and his letters from Germany (1903–1907)"]. Azadovskii, K. *Siuzhety i sud'by. Nemetsko-russkie otrazheniia* [Plots and Destinies. German-Russian Reflections]. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 140–167. (In Russ.)
3. Bogomolov, N.A. *Vokrug "Serebriianogo veka": Stat'i i materialy* [Around the "Silver Age": Articles and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 708 p. (In Russ.)
4. Bogomolov, N.A. *Sobiratel'. Ivan Nikanorovich Rozanov i ego vremia* [The Collector. Ivan Nikanorovich Rozanov and His Time]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2021. 688 p. (In Russ.)
5. Ginzburg L. Rets. na kn. [Rev. of] *Sternenflug und Apfelblüte. Russische Lyrik von 1917 bis 1962. Berlin, 1963. Voprosy literatury*, no. 2, 1964, pp. 229–230. (In Russ.)
6. Giunter I. fon. *Zhizn' na vostochnom vetru: Mezhdü Peterburgom i Miunkhenom* [Life on the East Wind: Across St. Petersburg and Munich], trans. from German, introd. and comm. by Iu. Arkhipov. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2010. 488 p. (In Russ.)
7. Giunter I. fon. "Pod vostochnym vetrom" ["Under the East Wind"], trans. from German by T. Petrovskaia. *Mosty. (Miunkhen)* [Bridges. (Munich)], vol. 15, 1970, pp. 329–348. (In Russ.)
8. *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)* [Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)], comp. and prep. by K.N. Suvorova, introd. by E.G. Gershtein, scientific adv., introd., indexes by V.A. Chernykh. Moscow, Torino, Einaudi Publ., 1996. 849 p. (In Russ.)
9. "Iogannes fon Giunter i ego vospominaniia" ["Johannes von Gunther and His Memoirs"], essay, publ., ref. and trans. by K.M. Azadovskii. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 92, book 5. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 330–361. (In Russ.)
10. *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia: v 9 t.* [Brief Literary Encyclopedia: in 2 vols.]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1962–1978. (In Russ.)
11. Luknitskii, P.N. *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi* [Acumiana: Meetings with Anna Akhmatova], vol. II: 1926–1927. Paris, Moscow, YMCA press, Russkii Put' Publ., 1997. 372 p. (In Russ.)
12. Timenchik, R. "Iz Imennogo ukazatel'ia k Zapisnym knizhkam Akhmatovoi" ["From the Name Index to Akhmatova's Notebooks"]. *Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorchesvo: Krymskii Akhmatovskii nauch. sb. Vyp. 7: k 120-letiiu so dnia rozhdeniia poeta* [Anna Akhmatova: Era, Fate, Work: Crimean Akhmatova scientific collection. Issue 7: To the 120th Anniversary of the Poet's Birth]. Simferopol', Krymskii Arkhiv Publ., 2009, pp. 37–82. (In Russ.)
13. Timenchik, R. "Iz Imennogo Ukazatel'ia k 'Zapisnym knizhkam' Akhmatovoi: Emil' Verkharn'" ["From the Name Index to Akhmatova's 'Notebooks': Emile Verharn"]. *Prostranstvo bezgraničnoi slovesnosti: Sb. statei k 70-letiiu Vsevoloda Evgen'evicha Bagno* [Space of Boundless Literature: Collection of Essays for the 70th Anniversary of Vsevolod Evgenievich Bagno]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2021, pp. 437–447. (In Russ.)
14. Timenchik, R. *Poslednii poet: Anna Akhmatova v 60e gody* [The Last Poet: Anna Akhmatova in the 60s]. 2nd ed., rev. and add., vol. 1. Jerusalem, Moscow, Gescharim Publ., Mosty kultury Publ., 2014. 592 p. (In Russ.)

15. Timenchik, R. *Chto vdruk: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka* [What's up? Essays on Russian Literature of the Last Century]. Jerusalem, Moscow, Gesharim Publ., Mosty kul'tury Publ., 2008. 686 p. (In Russ.)

16. Fidler, F.F. *Iz mira literatorov: kharaktery i suzheniia* [From the World of Writers: Characters and Judgments], prep. by K. Azadovskii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 864 p. (In Russ.)

17. Chaban, A. "Antologiiia Iogannesa fon Giuntera 'Novyi russkii Parnas' v kontekste literaturnykh diskussii nachala 1910-kh godov" ["Anthology of Johannes von Gunther 'New Russian Parnassus' in the Context of Literary Discussions at the Beginning of the 1910s"]. *Russkii modernizm i ego nasledie: Kollektivnaia monografiia v chest' 70-letiiia Nikolaia Bogomolova* [Russian Modernism and its Heritage: Collective Monograph in Honor of the 70th Anniversary of Nikolai Bogomolov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 304–340. (In Russ.)

18. Chernykh, V. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. 1889–1966* [Chronicle of the Life and Work of Anna Akhmatova. 1889–1966]. 3rd ed., rev. and add. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 943 p. (In Russ.)

19. Etkind, E. "…Kak Feniks iz pepla". Poeziia Anny Akhmatovoi na Zapade. Germaniia i Frantsiia ["Like a Phoenix from the Ashes". Anna Akhmatova's Poetry of in the West. Germany and France"]. *Inostrannaia literatura*, no. 6, 1989, pp. 226–232. (In Russ.)

20. Masing-Delic, Irene. Visiting Johannes von Guenther. *Skreshcheniia sudeb: Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen: A Festschrift for Fedor B. Poljakov*, ed. by Lazar Fleishman, Stefan Michael Newerkla, Michael Wachtel. Berlin, Peter Lang Publ., 2019, pp. 707–709. (Stanford Slavic Studies, Vol. 49). (In English)

21. Perelmutter, Ilya. *Russische Poesie in deutschen Übersetzungen: Bibliographie ausgewählter Werk*. Vienna, Danzig & unfried Publ., 2020. 452 p. (In German)

22. Rakusa, Ilma. *Studien zum Motiv der Einsamkeit in der russischen Literatur: Abhandlung. Luzern und Frankfurt*. München, C.J. Bucher Publ., 1973. 178 p. (Slavica Helvetica). (In German)

23. Wachtel, Michael. "Zum Nachleben des russischen Symbolismus in Deutschland: Fedor Stepun und Johannes von Guenther". *Skreshcheniia sudeb: Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen: A Festschrift for Fedor B. Poljakov*, ed. by Lazar Fleishman, Stefan Michael Newerkla, Michael Wachtel. Berlin, Peter Lang Publ., 2019, pp. 680–706. (Stanford Slavic Studies, Vol. 49). (In English)

Статья поступила в редакцию: 08.06.2021

Одобрена после рецензирования: 01.08.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 08.06.2021

Approved after reviewing: 01.08.2021

Date of publication: 25.09.2021